

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Осмысление феномена индустриального искусства в философии

Дж.Сантаяны

Мацевич Ирина Янушевна

Кандидат наук

Белорусский государственный университет, ФФСН, Минск, Беларусь

E-mail: matsevich22@mail.ru

К началу XX века процессы активного взаимодействия между искусством и промышленностью стали предметом пристального внимания философов. Среди первых работ по данной проблематике следует выделить исследование американского философа Дж. Сантаяны «Разум в искусстве» (1905). В этой работе анализируются различные стадии эволюции рациональности искусства. Сантаяна впервые делает предметом специального философского рассмотрения природу феномена нового индустриального искусства начала XX века, основания его зарождения и развития.

Чтобы разграничить суть искусства и индустрии, необходимо выявить, каким образом «технэ» могло постепенно превратиться в индустрию; определить, является ли последняя акциденцией «технэ» или многократно утрированной её сущностью. Если искусство есть «причина, пропагандирующая саму себя» [1, р. 13], то следует определить, чем этот род самопропаганды отличен от индустрии. Ведь может получиться так, что в контексте рассмотрения индустриального искусства промышленность и есть «тот же ребёнок, оставленный эльфами, кого мы с трудом принимаем в качестве нашего собственного потомка и краснеем при представлении его в качестве предопределённого плода нашей работы» [1, р. 8]. Другими словами, Дж. Сантаяна ставил вопрос о том, как провести грань между значениями понятий «искусство» и «индустрия», если оба уходят корнями в древнегреческое понятие «технэ».

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, он обратился к рассмотрению сущности самого искусства. Согласно Дж. Сантаяне, именно полезность является характерной чертой искусства, «конечной гармонией». Однако полезность едва ли может выступать в качестве определяющей сущностной черты искусства, так как эстетическая ценность удовлетворяет определённые потребности индивида, выходя за рамки морального суждения и, в целом, суждения о полезности. Обратив внимание на этот факт, философ переходит к сопоставлению «практичности» искусства и индустрии по характеру той рациональности, которая детерминирует их сущность.

В этом контексте он следует логике И. Канта при анализе специфики практического суждения. Оценивая произведения искусства и индустрии, мы имеем дело с эстетическими ценностями, «которые внутренне присущи воображению, мгновенной интуиции, оформленному чувству» [1, р. 15]. Используемое при суждении об эстетической ценности объекта воображение определяется Дж. Сантаяной в духе И. Канта как «синтетическая репрезентация», доставляющая «просветлённые удовольствия», другими словами, «регион развёртываемой чувствительности между ощущением и абстрактным дискурсом» [1, р. 15]. Приведённые определения эстетической ценности и воображения могли бы нечто прояснить, если можно было бы обозначить эстетическую ценность в качестве определяющей характеристики сущности произведения искусства. Однако в

действительности произведение искусства всегда имеет и ряд неэстетических функций, обладает также неэстетической ценностью, которая неотделима от эстетической.

Искусство, в целом, так же как и индустриальное искусство, по причине синтеза эстетических и неэстетических функций, в интерпретации Дж. Сантаяны, всегда носит ангажированный характер со стороны социальных потребностей и в этом смысле неизбежно практично, полезно по своим устремлениям. Оно обладает собственной каузальностью, не редуцируемой сугубо к рациональным законам. Тем не менее, результат искусства детерминирован собственной целесообразностью, благодаря которой и возможна оценка продуктов творчества.

Отталкиваясь от этой особенности искусства, можно попытаться рассмотреть сущность индустриального искусства с точки зрения его целесообразности. Однако, учитывая тот факт, что цели в процессе реализации деятельности по их достижению меняются, в результате, чем длительнее и извилистее путь к цели, тем больше появляется вариаций её первоначальной формулировки. Соответственно, в индустриальном искусстве зачастую проявляется трансформация первоначальной цели в те задачи, которые препятствуют её достижению.

Дж. Сантаяна проиллюстрировал этот процесс, сопоставив два вопроса: «Какому первоначальному интересу служит механическое искусство? Каков изначальный и определяющий идеал жизни, с помощью которого всё индустриальное развитие обосновывается как рациональное или отвергается как тщетное?» [1, р. 21]. Одна из основных целей индустрии заключается в интенсификации производительности труда при минимизации усилий. Одновременно создаются условия для производства более дешёвой продукции. Но так как сама цель заключается не в производстве дешёвой продукции, а в обеспечении доступа к всё большему разнообразию товаров, в результате, одна цель подменяет другую, так как потребность в изобилии и наслаждении сталкивается со стремлением сократить время и объём трудовой деятельности. Исходя из этих рассуждений, Дж. Сантаяна делает следующий вывод: «Таким образом, в то время как ценности происходят только из своих причин, последние приобретают значимость только из собственных результатов. Функции не могут быть реализованы до существования органов и их действия, так как то, что первично в основании порядка генезиса, всегда является последним и наиболее зависимым в порядке ценностей» [1, р. 22].

Применительно к индустриальному искусству это значит, что мы не можем оценивать его продукты по тем целям, которые были поставлены в начале интеграции искусства и промышленности. Следует обращаться к конкретным результатам этой интеграции и оценивать их роль в контексте непосредственного использования или влияния продуктов индустриального искусства на социальные процессы. Вспоминая аргументы тех, кто обосновывает свободу выбора, ссылаясь на развитие индустрии и коммерции, философ напоминает о возможности оценивать их влияние лишь на уровне реализации конкретного выбора, а не теоретического обобщения характерных черт феномена индустрии.

Литература

1. Santayana G. The Life of Reason. The Phases of Human Progress: in 5 vol. New York: Dover Publ., 1982. Vol. 4: Reason in Art. 288 p.